

УДК 327.7, 327.8, 005

Татьяна РОМАНОВА

КАТЕГОРИЯ “СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ” В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Аннотация. В статье анализируется новая категория внешней деятельности Евросоюза – “стрессоустойчивость” (resilience). На примере документов ЕС с 1980-х гг. и до настоящего времени исследуется генезис этой категории. Теоретические работы по стрессоустойчивости и практика внешней деятельности ЕЭС / ЕС рассматриваются как факторы, структурировавшие развитие категории “стрессоустойчивость” в ЕС. Их использование позволяет выявить три современных противоречия в применении категории в ЕС: стрессоустойчивость и секьюритизация, стабильность и изменения (с соответствующей стратификацией пространства) и, наконец, стрессоустойчивость как (не)вмешательство во внутренние дела партнёров. В завершении кратко выделяются институциональные аспекты поддержки стрессоустойчивости во внешней деятельности ЕС.

Ключевые слова: ЕС (Европейский союз), стрессоустойчивость, безопасность, Россия, политика соседства, секьюритизация.

Слово “стрессоустойчивость” (resilience) появилось в лексиконе предшественника Европейского союза (ЕС) – Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1980-е годы. Однако лишь недавно оно стало важной категорией политики ЕС. Употребление этого термина резко интенсифицировалось во втором десятилетии нынешнего века в разных сферах (от экологии до кибербезопасности, от экономики до помощи развитию). Наиболее заметно “стрессоустойчивость” прозвучала в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. [EEAS, 2016], где она упомянута более сорока раз, в разных контекстах, для описания различных процессов. Категория “стрессоустойчивость” в результате стала центральной для внешней деятельности ЕС¹.

¹ Перевод слова “resilience” на русский язык в социальных науках пока не устоялся. В классических словарях (например, оксфордском) используется трактовка инженерных дисциплин или психологии (“эластичность”, “упругость”, “выносливость”, “живучесть”, “жизнеспособность”). В онлайн словарях появляются также термины физических дисциплин (“ударная вязкость”, “упругая деформация”, “сопротивляемость”) или более нейтральные, но сложносоставные варианты (“повышение устойчивости”, “потенциал противодействия”). Официальные переводы документов ООН на русский язык непоследовательны. Используются термины “жизнестойкость”, “стойкость” и “устойчивость”.

© Романова Татьяна Алексеевна – к.полит.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета и Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3 (8-й подъезд), E-mail: t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01110).

Автор выражает благодарность Н.Н. Гудалову и Е.В. Царенко за первичную обработку документов ЕС.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей эволюции категории “стрессоустойчивость”, её современного внешнеполитического значения в ЕС и противоречивости. Два фактора структурировали развитие категории “стрессоустойчивость” в ЕС. Первый – развитие концепций и теорий стрессоустойчивости в различных дисциплинах, *особенно* в социальных науках. Второй – деятельность ЕС на внешней арене. В статье будут проанализированы пять аспектов категории “стрессоустойчивость” в ЕС: её распространение в политической практике, взаимодействие с секьюритизацией, противоречие между стабильностью и изменениями, стрессоустойчивость как (не)вмешательство во внутренние дела партнёров и, наконец, институциональная поддержка категории во внешней деятельности ЕС.

Распространение стрессоустойчивости в политической практике ЕС

Первые упоминания стрессоустойчивости в документах ЕЭС относятся к 1980-м годам; слово обнаруживается, главным образом, в сфере экономического регулирования. Комиссия и Совет говорили о стрессоустойчивости в период колебания нефтяных цен, кризисов в банковской сфере, экономического спада, инфляции. В это же время Сообщества начинают говорить о стрессоустойчивости экосистем в контексте (нерационального) использования природных ресурсов. В 1990-е гг. появляются упоминания о стрессоустойчивости баз данных в Евросоюзе, однако основной сферой применения слова “стрессоустойчивость” остаются экономика и экология.

Здесь ЕЭС следуют в фарватере общего научного знания. Сам термин “стрессоустойчивость” ввёл в оборот К. Холлинг, определив его как “меру устойчивости систем, а также их способность абсорбировать изменение и раздражения и поддерживать такое же соотношение популяций или переменных [их] состояния” [Holling, 1973: 14]. Одновременно Ф. Хайек исследовал рыночные механизмы и сложность их реакций и системных взаимосвязей, что способствовало как развитию теории стрессоустойчивости [Walker and Cooper, 2011], так и её распространению в экономической науке. Приоритету использования термина “стрессоустойчивость” в экономике и охране окружающей среды способствовало и то, что именно в этих сферах преимущественно развивалась европейская интеграция в 1980-е годы.

В конце 1990-х годов – начале нынешнего века ЕС начинает использовать термин в отношениях с третьими странами. Вначале Брюссель заговорил об экологической стрессоустойчивости развивающихся стран (1999 г.). Затем его тревогу вы-

Инженерные и психологические переводы можно использовать для изучения процессов в ЕС только с изрядной долей метафоричности. Кроме того, такие переводы акцентируются стабильность (характерная для изучения resilience в этих дисциплинах), а в социальных науках “resilience” подразумевает и адаптацию под влиянием внешних или внутренних возмущений [Brand and Jax, 2011]. Перевод “устойчивость” создаёт возможность смешения категорий “sustainability” и “resilience”.

Сложные термины, состоящие из двух и более слов, имеют дополнительные недостатки. Во-первых, может возникнуть проблема сочетаемости в фразах. Во-вторых, термин “потенциал противодействия” и аналогичные требует пояснения “чему”, тогда как в категории “resilience” акцент сделан на ресурсах системы (или на техниках управления в неолиберальном подходе). В-третьих, стресс может носить и внутренний, и внешний характер, что также адекватно отражает смысл категории “resilience” в социальных науках.

В связи с вышеизложенным научный коллектив проекта “Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и её последствия для России” под руководством автора данной статьи считает, что перевод термина “resilience” как “стрессоустойчивость” оптимален для обозначения одноименной англосаксонской концепции, а также изучения соответствующих социальных явлений, практик управления и дискурсов.

Современная Европа, 2017, №4

звали финансовые кризисы в России, Бразилии и странах Азии, напомнив о важности стрессоустойчивости Евросоюза в контексте мировых экономических потрясений. При этом ЕС продолжает употреблять термин для внутренних процессов (транспортных сетей, рынков труда, зоны евро). Экономическая сфера выдвигается вперед по частоте употребления слова “стрессоустойчивость” в ЕС в начале нынешнего века. За ней следует более традиционное использование термина в области охраны окружающей среды, для описания устойчивости экосистемы. Закрывает триаду употребления стрессоустойчивости в начале нынешнего века сфера компьютерной безопасности и информационной инфраструктуры.

Переломным в тематике использования термина “стрессоустойчивость” в Евросоюзе стал 2005 г., когда ЕС заговорил о стрессоустойчивости институтов государства и гражданского общества третьих стран перед лицом различных опасностей. Была отмечена особая ответственность ЕС за стрессоустойчивость малых развивающихся стран [European Commission, 2005], что заложило фундамент проблемы вмешательства – невмешательства (см. ниже). С этого момента использование термина “стрессоустойчивость” для описания процессов в развивающихся странах активизируется.

Во второй декаде нынешнего века термин “стрессоустойчивость” закрепился в области охраны окружающей среды в ЕС. Особенно часто он встречается в документах Европейского агентства по окружающей среде. Это закономерно: в агентствах ЕС обычно работают не бюрократы широкого профиля, а специалисты по конкретной проблематике, а термин “стрессоустойчивость” на тот момент уже прочно укоренился в лексиконе биологов и экологов. Одновременно термин быстро распространяется в энергетике. Он преимущественно употребляется в контексте снижения зависимости ЕС от внешних шоков, особенно в снабжении природным газом. Расширяется использование термина “стрессоустойчивость” в информатике, кибербезопасности и экономике.

Однако наиболее любопытные подвижки происходят в политике развития. В 2012 г. Европейская комиссия публикует сообщение, в котором обобщает уроки борьбы с продовольственными кризисами в развивающихся странах и впервые делает центральной категорию “стрессоустойчивость”. В этом сообщении она определяется как “способность индивида, домашнего хозяйства, сообщества, страны или региона противостоять стрессам и шокам, адаптироваться к ним и быстро восстанавливаться после них” [European Commission, 2012: 5]. Далее уточняется, что стрессоустойчивость имеет “два измерения: неотъемлемая сила ... наилучшим образом сопротивляться стрессу и шоку и способность ... быстро восстанавливаться в исходное состояние” [ibid]. Так формируются предпосылки для диалектики стабильности и изменения (см. ниже).

На основе этого документа Совет ЕС в 2013 г. принимает основные принципы стрессоустойчивости [Council, 2013]. Перечислим их: ответственность национального правительства за стрессоустойчивость, совместная работа над стрессоустойчивостью ЕС и стран-членов с учётом национальной специфики, долгосрочность, сотрудничество с международными организациями, учёт национального и регионального контекста, интеграция стрессоустойчивости во все связи ЕС с соответствующими странами, работа с гражданским обществом и местными сообществами партнёров, уважение гендерного равенства. Затем одобряется план действий по стрессоустойчивости склонных к кризисам стран [European Commission, 2013] и руководство по маркерам стрессоустойчивости [European Union, 2014]. В политике развития ЕС трактует стрессоустойчивость и как вариант снижения издержек на ликвидацию последствий кризисов.

Таким образом, во второй декаде нынешнего века в ЕС сформировалось два употребления термина “стрессоустойчивость”. Первый – для внутренних процессов, главным образом в поддержании стабильного функционирования экономики, сохранения экосистемы, обеспечения безопасности информационной инфраструктуры. Второй – для развивающихся стран, которым ЕС оказывал активную помощь; в этом втором случае ЕС определяет “стрессоустойчивость” дополнительно, делая её особой категорией. При этом охрана окружающей среды перестала быть центральной для термина “стрессоустойчивость” сферой. Здесь ЕС идёт в фарватере развития знаний о стрессоустойчивости, поскольку “недавние исследования акцентируют социальные, политические и институциональные измерения стрессоустойчивости”, оставляя всё больше в стороне изначальные экологические аспекты [Brand and Jax, 2011: 10].

В этом контексте в 2016 г. Евросоюз публикует Глобальная стратегия безопасности [European Union, 2016]. Документ упомянул стрессоустойчивость более 40 раз, что четко подало сигнал о центральности данной категории в Стратегии. Последняя ясно обозначает укрепление “стрессоустойчивости государств и обществ, в Европе и вокруг неё” в качестве своей цели. Эта цель далее конкретизируется как 1) укрепление стрессоустойчивости демократий Союза, в т.ч. уважение его ценностей, 2) “инвестиции” в стрессоустойчивость государств и обществ вокруг ЕС до Центральной Африки на юге и Центральной Азии на востоке, а также 3) поддержка стрессоустойчивости других партнёров ЕС в мире. ЕС при этом берёт обязательство “поддерживать различные пути к стрессоустойчивости, воздействуя на правительственные, экономические, общественные и климатические/энергетические уязвимости, а также развивать эффективные миграционные политики для Европы и её партнёров” [European Union, 2016].

В 2017 г. Европейская служба внешних связей и Комиссия подготовили совместное сообщение, в котором дополнительно разъяснили категорию “стрессоустойчивость”, отметив, что она включает “всех индивидов и всё общество” и следующие компоненты: “демократия, вера в институты, устойчивое развитие, а также способность к реформам” [European Union, 2017b]. В тексте подчёркнуто, что ЕС может содействовать стрессоустойчивости путём поддержки включающих обществ, укрепления экономической стабильности, большого внимания к нуждам, возникающим в ходе длительных кризисов, предотвращения вооружённых конфликтов, борьбы с изменением климата и деградацией окружающей среды, работы с миграцией и насильственным переселением людей. В Сообщении отмечена уязвимость ЕС, прежде всего, из-за гибридных угроз, опасностей информационных технологий и “стратегической коммуникации” (т.е. дезинформации), терроризма и экстремизма, а также уязвимости критической инфраструктуры (в т.ч. энергетики).

Таким образом, Глобальная стратегия впервые свела воедино стрессоустойчивость Евросоюза и его внешних партнёров, а Сообщение 2017 г. углубило и разъяснило этот новый подход ЕС. В контексте, когда Евросоюз болезненно ищет новые цели для углубления интеграции, “стрессоустойчивость” становится не только концепцией диалога внутреннего развития ЕС и его положения в мире, но и новой “точкой сборки” всего процесса европейской интеграции.

Центральность категории “стрессоустойчивость” для ЕС подтверждает первый доклад о выполнении Глобальной стратегии [European Union, 2017a], где стрессоустойчивость проанализирована как первая из трёх целей (наравне с интегрированным подходом к конфликтам и кризисам и безопасностью/обороной). Интересно также, что в последних документах отмечается импорт стрессоустойчивости в ЕС из внешней деятельности (политики развития, прежде всего). Это перечёркивает

практику более раннего употребления термина для внутренних процессов в ЕЭС /ЕС, но также показывает, что, в отличие от внутренней политики, во внешней деятельности “стрессоустойчивость” ныне оценивается как особая категория.

Стрессоустойчивость и секьюритизация

Один из первых вопросов, который возникает при анализе стрессоустойчивости – двойственность предмета исследования. Первое, что надо уточнить – какие ресурсы данной системы обеспечивают существование соответствующих общества и государства, и лишь затем – что потенциально испытывает их на прочность. Политическая стрессоустойчивость часто также трактуется как компонент неолиберального управления, в частности, в рамках биополитики [Chandler and Coaffee, 2017; Joseph, 2013; Павлова, Гудалов, Коцур, 2018]. В любом случае, вопрос о том, чему нужно сопротивляться, понятие угрозы вторичны для теории стрессоустойчивости.

И Глобальная стратегия, и Сообщение 2017 г. по стрессоустойчивости, однако, дают весьма расплывчатые указания относительно первого вопроса. Евросоюзу ставит вопросы о “стрессоустойчивости [своей] демократии” и интеграционного проекта, о способности сохранять ценности и качество институтов. Для стран-партнёров, прежде всего, соседей, ЕС выделяет стрессоустойчивость государств, обществ, а также (прежде всего, в Сообщении 2017 г.) индивидов. Уточняется, что общества стрессоустойчивы, “когда они чувствуют, что качество жизни улучшается и есть надежда на будущее”, когда они демонстрируют “демократию, доверие к институтам” и устойчивое развитие, когда гарантирована “безопасность, являющаяся *основой* процветания и демократии” [European Union, 2016]. В Сообщении 2017 г. стрессоустойчивые общества определены как имеющие в основе “устойчивое и сбалансированное социально-экономическое развитие, которое предвидит социально-экономические неравенства, риски и работает с ними и их причинами” [European Union, 2017b].

Таким образом, тексты говорят о различных ресурсах стрессоустойчивости. В качестве них предстают то индивид, то общество, то хорошо функционирующая экономическая система, то система обеспечения безопасности государства, то уважение к ценностям политическим аспектам (демократия, качество институтов). Безусловно, для ЕС качество институтов и демократия – залог стабильного роста ВВП и процветания, но такая иерархия работает не для всех [Романова, Павлова, 2013]. Более того, сам Евросоюз признает, что стрессоустойчивость предполагает различные её ресурсы в разнообразных контекстах и в множестве стран и обществ [European Union, 2017b].

Ещё интереснее то, что ЕС больше сосредотачивается на рисках для стрессоустойчивости, как своей, так и своих партнёров. Опасность для ЕС, согласно и Глобальной стратегии, и Сообщению по стрессоустойчивости, представляют неопределенность поставок энергетических ресурсов, потенциальные киберугрозы, гибридные конфликты, а также “стратегическая коммуникация”, т.е. распространение ложной информации или трактовок, альтернативных принятым в ЕС. Ресурсами стрессоустойчивости тут являются, очевидно, энергетическая система, а также общество и индивиды, но, возможно, и институты. Тем не менее вопрос взаимодействия этих ресурсов и их место в системе остается нераскрытым. Фокус здесь смещён на перечисление объектов, которые находятся в зоне риска, и главное, на *собственно угрозах*. Это ведёт к секьюритизации [Buzan, Waever, de Wilde, 1998], т.е. к переходу вопросов из категории техник управления или самостоятельного функционирования ресурсов системы (как требуют концепции стрессоустойчивости) в категорию политики безопасности. Секьюритизация требует акцента на рисках, чрезвычайных мер, изъятия вопросов из нормального политического процесса.

Многие перечисленные угрозы, по мнению Брюсселя, сегодня исходят от России. В Глобальной стратегии и Сообщении 2017 г. Россия как угроза ЕС прямо не формулируется. А вот в докладе Института стратегических исследований, имеющего статус агентства ЕС, эта идея звучит без дипломатических экивоков [ISS, 2017]. Дополнительным фактором внутренней стрессоустойчивости, согласно Глобальной стратегии, становится сохранение “последовательного и единого подхода” ЕС в отношении России [European Union, 2017]. Здесь ресурс стрессоустойчивости, очевидно, – следование нормам права ЕС. Наконец, нероссийские угрозы – терроризм, неконтролируемый приток иммигрантов и беженцев – мало акцентируются.

Для восточных соседей Россия предстает как угроза их праву “свободно определять их подход в отношении ЕС” [European Union, 2016], “делать [свой] политический, дипломатический и экономический выбор” [European Union, 2017b] без внешнего принуждения. Здесь и вовсе понятие ресурсов стрессоустойчивости и техник управления ими теряется; им может быть и индивид, и гражданское общество, и институты государства, и стабильная экономика, и структура торговли. Брюссель намерен поддерживать эти страны сотрудничеством и укреплением Европейской политики соседства. Какие ресурсы и техники управления будут в фокусе, неясно, а вот риски вполне понятны: Россия.

Для своих южных соседей, стран Северной Африки и Ближнего Востока, ЕС определяет угрозы стрессоустойчивости по-другому: это проблемы обеспечения продовольствием, постконфликтная стабилизация, демографические риски и бедность. Иными словами, они не привязаны к какой-то стране, не персонифицированы. Более того, сами ресурсы стрессоустойчивости здесь более осязаемы: индивиды и общества, прежде всего, а затем уже государственные институты.

Подчеркнём, что, с теоретической стороны, стрессоустойчивость не означает борьбу с врагом. Скорее, стрессоустойчивость говорит о способности индивида и общества (как ресурсов) жить в новых условиях, развивать новые навыки, “эксплуатировать вновь возникающие возможности, которые неминуемо создают беспорядок” [Duffield, 2012: 480]. Для стрессоустойчивости агент, акцентирующий угрозы и побуждающий к политическим действиям, не является ключевым и необходимым, ведь система просто перераспределяет свои ресурсы или изменяются техники управления. А вот для теории секьюритизации агент, определяющий и артикулирующий угрозы, обязателен [Buzan, Waever, de Wilde, 1998].

Акцент ЕС на угрозах, а не на ресурсах стрессоустойчивости и техниках управления ими, демонстрирует преобладание внешнеполитического мышления Брюсселя, а не новацию. Стрессоустойчивость не предстает как целостное новое мышление, используется инструментально, несмотря на все амбиции, связанные с новой категорией.

Таким образом, в политической практике ЕС ресурсы стрессоустойчивости очерчиваются весьма туманно. Более того, определения рознятся внутри одного документа и не всегда стыкуются с идентифицируемыми рисками. В то же время делается акцент на угрозах, т.е. происходит уход в секьюритизацию. В результате стрессоустойчивость в практике ЕС становится весьма односторонним инструментом неолиберального управления.

Стабильность или изменения?

Термин “стрессоустойчивость” многозначен. Это связано с его генезисом. Вначале он возник в экологии, а затем мигрировал в экономические и социальные науки. Его многозначность, “если не сказать туманность”, ... помогла его принятию в политической практике [Wagner and Anholt, 2016: 417]. В то же время лёгкость пер-

воначального принятия термина компенсирует сложность последующей выработки политики на его основе.

Изначально стрессоустойчивость подразумевала сопротивление и способность системы поглощать риски и восстанавливаться. Однако постепенно термин эволюционировал, и ныне его употребление в социально-экономических науках связывается, скорее, со способностью системы абсорбировать шоки, сохраняя свои основные характеристики и свою работоспособность [Brand and Jax, 2007]. Некоторые исследователи выделяют “инженерную стрессоустойчивость”, где доминирует идея стабильности и равновесия, “экологическую стрессоустойчивость”, ценность которой состоит в способности сохраняться и восстанавливать свои функции после шоков, и, наконец, “социально-экологическую стрессоустойчивость”, акцентирующую новые возможности для самоорганизации и возникновения новых траекторий [Bourbeau, 2017: 27]. В теоретической дискуссии сохраняется проблема соотношения стабильности и изменений, жёсткости и адаптации [Brassett, Croft and Vaughan-Williams, 2013], они не всегда бесконфликтны. Однако акцентируется всё больше “трансформативность” стрессоустойчивости [Folke, 2006: 262], что означает “новые векторы ответа, которые (явно или неявно) изменят существующие политики и зададут новые направления управления в этом поле” [Bourbeau and Ryan, 2017: 6].

Определение Евросоюза в Сообщении по стрессоустойчивости 2017 г. (как, впрочем, и 2012 г.) акцентирует и способность к противостоянию, и умение адаптироваться, восстанавливаясь после стрессов и шоков. Косвенно отвечая на этот вопрос, Сообщение в заключительном разделе отмечает, что “стрессоустойчивость контекстна, требует индивидуального подхода”, что, несмотря на ряд общих характеристик, конкретные параметры стрессоустойчивости должны определять практики, работающие в соответствующем регионе [European Union, 2017: 23]. Сообщение в конце подчёркивает, что “стрессоустойчивость – это трансформация, а не поддержание статуса-кво”. Фраза, которая следует далее, правда, несколько противоречит этому, поскольку говорит о “поддержании ядра идентичности и способностей государств, обществ, сообществ перед лицом разрушительного давления”, и “способность адаптироваться и реформироваться для того, чтобы отвечать на новые нужды” [European Union, 2017: 23].

На самом деле, конкретизация как угроз, так и направлений действий ЕС показывает, что для себя Брюссель ключевой видит, скорее, сохранение достигнутого и незначительную адаптацию. Основные риски для него внешние. Для соседей же и партнёров ключевой становится именно трансформация, укрепление государства, повышение роли гражданского общества, поскольку для них характерно сочетание внешних и внутренних угроз. И в этом чётко читается преемственность традиций мягкой силы, акцента на ценностном измерении своей деятельности, а также на праве подчёркивать границы между собой и другими, ранжировать других по качеству институтов, гарантиям прав и свобод, обеспечению верховенства закона.

На этой основе возникает и стратификация партнёров Евросоюза, также унаследованная от дострессоустойчивой эпохи его внешней деятельности. Первый концентрический круг – кандидаты на вступление в ЕС. Второй – его соседи. При этом требования к кандидатам и восточным соседям в целом одинаковы, хотя, как и ранее, включённость в Европейскую политику соседства не означает автоматического будущего присоединения к ЕС. Но к этим партнёрам ЕС применяет “трансформационный подход” к стрессоустойчивости [European Union, 2016]. Различия между восточными и южными партнёрами иллюстрируют два примера. В Украине ЕС намерен и далее поддерживать реформы, борьбу с коррупцией, укрепление общественных институтов, судебных органов и гражданского общества. В Ливии же речь

идёт о стрессоустойчивости в отношении конфликтов и миграции. Различия в поведении ЕС по стрессоустойчивости в двух регионах соседства читаются не только в Глобальной стратегии и в Сообщении 2017 г., но и в уже упомянутом исследовании Института стратегических исследований ЕС по стрессоустойчивости [ISS, 2017]. В таком подходе к политике соседства (и в части сходства с расширением, и в части различий в политике ЕС на южном и восточном флангах) читается преемственность с традициями внешней деятельности ЕС.

Однако возникает и новый интересный момент. Сообщение 2017 г. отмечает в качестве “важного измерения ... стрессоустойчивого подхода укрепление связей между нашими (т.е. ЕС) интервенциями в регион и регионами за пределами” [European Union, 2017b: 15]. Иными словами, речь идёт о возрастании интереса ЕС к удалённым регионам, о необходимости большего его присутствия там для стабильности непосредственных соседей, о важности поощрения устойчивости там для “интересов граждан” ЕС и “жизненных интересов” самого Союза [European Union, 2016]. И если Центральная Африка – регион относительно знакомый ЕС по политике развития, то Центральная Азия до последнего времени находилась на периферии, а теперь возникает как один из приоритетов продвижения стрессоустойчивости (хотя и в менее интенсивном ключе по сравнению с соседями или кандидатами). Это закономерно объясняет возросший интерес Брюсселя к Центральной Азии и готовящуюся ныне новую стратегию ЕС по ней.

Таким образом, тезис, что стрессоустойчивость – это “нечто среднее между амбициозным либеральным строительством мира и недостаточно амбициозной стабильностью” [Wagner and Anholt, 2016: 414] должен быть дополнен тем, что предполагается относительная стабильность для ЕС и изменения – для большинства его партнёров. В этом сочетании стабильности и изменения читается преемственность со многими сформировавшимися в ЕС практиками внешней деятельности. Это право стимулировать партнёров к изменениям. Это географическая стратификация пространства с ЕС в центре концентрических кругов. Это, в конечном счёте, акцент на неравенстве партнёров в международных делах. Новыми представляются лишь большие географические амбиции Брюсселя, выход за пределы той зоны, которую ЕС в предыдущие годы считал комфортной для активной деятельности.

Стрессоустойчивость – альтернатива вмешательству во внутренние дела партнёров?

Появление Глобальной стратегии ЕС сопровождалось в 2016 г. риторикой о том, что ЕС переходит к “прагматизму с принципами” (principled pragmatism). Брюссель обещал сочетать уважение своих ценностей (демократии, прав человека, верховенства закона, устойчивого развития и т.п.) и интересы.

В теоретической литературе сложилось две точки зрения на вопрос соотношения гуманитарной интервенции, (не)вмешательства и стрессоустойчивости. Первый принадлежит Д. Чэндлеру, для него поощрение стрессоустойчивости – это альтернатива и либеральной интервенции, и неолиберальному бездействию. Это обеспечение развития, сообразно нормам того или иного общества, а укрепление стрессоустойчивости создает возможности для трансформации со стороны гражданского общества [Chandler, 2012]. Альтернативной позиции придерживается Дж. Джозеф, отмечающий, что концепция Д. Чэндлера страдает от западного понимания взаимоотношений между государством и гражданским обществом. В незападных странах оно иное, характеризующееся меньшим влиянием последнего. Внешняя поддержка, по мнению Дж. Джозефа, меняет динамику взаимодействия между государством и

гражданскими обществами в незападных странах. Происходит “производство” неолиберальных граждан, их эмансипация от патерналистского государства. Однако настоящая цель в этом поощрении стрессоустойчивости обществ, как отмечает Дж. Джозеф, – “дисциплинировать” их правительства [Joseph, 2013: 47], подчинить их западным нормам, тому, что поощряющий стрессоустойчивость Запад считает правильным. Таким образом, существует как позитивный, так и негативный подходы к стрессоустойчивости как элементу взаимодействия на мировой арене, но речь всегда идёт о вмешательстве во внутренние дела и провоцировании изменений.

В этом контексте позиционировать Глобальную стратегию как прагматичный компромисс между ценностями и интересами будет натяжкой. Да, это отказ от либеральной интервенции (впрочем, и предыдущие документы ЕС явно о ней не говорили), но это стимулирование изменений в странах партнёрах, вмешательство в их внутрисполитические реалии. Это различие содержания и публичной интерпретации категории “стрессоустойчивость” формирует серьёзное внутреннее противоречие для политики ЕС.

Как это вмешательство осуществляется на практике? Наиболее явно оно фигурирует в различиях, которые ЕС все время проводит между государством и обществом. Стратегия говорит открыто о намерении поддерживать “не только государственные институты”, поскольку “стрессоустойчивость – более широкая концепция, включающая индивидов и все общество”. Глобальная стратегия также прямо заявляет, что “стрессоустойчивость будет укреплена более глубокими отношениями с гражданским обществом, особенно в попытках обеспечить ответственность государств”, что ЕС будет работать с “культурными организациями, религиозными общинами, социальными партнёрами и защитниками прав человека, а также будет критиковать ограничение пространства для гражданского общества путём нарушения свободы слова и ассоциаций” [European Union, 2016]. В этом контексте новое звучание приобретает и публичная дипломатия, выстраивание диалога с гражданскими обществами (о котором упоминает Стратегия), и один из принципов взаимодействия с Россией, обозначенный в 2016 г., – поддержка гражданского общества [Mogherini, 2016].

Отдавая первенство обществу, а не государству, подчеркивая намерение распространять собственный опыт стрессоустойчивости [European Union, 2017b], Евросоюз ставит под вопрос представление о международных отношениях XX века, которое разделяет большая часть незападного мира. По сути, ЕС не отказывается от продвижения своих (западных) ценностей и парадигм, а лишь несколько трансформирует его инструменты. Более того, Евросоюз фиксирует для себя центральные позиции в этом процессе. Именно он намерен разработать индикаторы стрессоустойчивости (частично они уже созданы) и вести мониторинг третьих стран. Этот патернализм ЕС имеет и прочное основание: ведь стрессоустойчивость распространяется, прежде всего, из политики развития, т.е. отношений Брюсселя с бывшими колониями стран-членов (а не, например, из взаимоотношений между ЕС и США или ЕС и Японией). В стратегии явно читается иерархия аспектов стрессоустойчивости, определенная Брюсселем: от решения продовольственных проблем через политические аспекты (продвижение демократии, укрепление институтов) к энергетической, экономической и экологической (климатической) стрессоустойчивости.

В стратегии построения стрессоустойчивости общества также можно увидеть и такую “тёмную сторону” [Chandler, 2013: 277], как отказ ЕС от ответственности, связанной с последствиями вмешательства. Опять же тут есть исторические корни: концепция стрессоустойчивости в политике развития формулировалась из желания минимизировать усилия самого ЕС по ликвидации последствий кризиса [European

Commission, 2012]. Ведь, Брюссель предполагает, что перемены произойдут изнутри, за счёт того, что “общества будут сильнее и способнее идентифицировать и решить свои проблемы” [European Union, 2017: 23].

Результативность этой искусственной “инженерии” стрессоустойчивости [Rhinard, 2017: 26] сомнительна, поскольку сама по себе стрессоустойчивость – итог развития общества. Неслучайно попытки развить стрессоустойчивость извне характеризуются исследователями как “искусственное упражнение по управлению” [Joseph, 2013: 51]. Потому политика ЕС в этой сфере не предвещает реализацию задуманного в Брюсселе.

Таким образом, стрессоустойчивость – безусловно, прагматизм ЕС, поскольку позволяет ему оптимизировать свои ресурсы, а также снизить ответственность за свои действия в третьих странах, стимулировать обращение обществ третьих стран к собственным ресурсам. В то же самое время это не прагматизм в смысле отказа от стимулирования преобразований извне или продвижения ценностей. Скорее, наоборот, это упрочение неолиберальной стратегии *стимулирования изменений* у партнёров, результативность которой сомнительна.

Институциональная поддержка стрессоустойчивости в ЕС

В Глобальной стратегии 2016 г. и Сообщении 2017 г. Евросоюз сформулировал основы институциональной поддержки стрессоустойчивости. Предполагается два направления действий. Первый – горизонтальная координация между различными службами и программами ЕС. В частности, речь идёт о гуманитарной помощи и политике развития, миграционных и здравоохранительных программах, торговле и инвестициях, поощрении образования и научного сотрудничества. Это позволяет Брюсселю избежать новых трат, перегруппировав уже существующие финансовые и проектные линии. Второй – усиление диалога между уровнями ЕС и стран-членов в части информации и аналитики по различным странам, экспертизы и стратегического мышления. Например, предполагается усилить обмен информацией, а также более динамично оценивать возникающие риски. Предложения по горизонтальной и вертикальной интеграции не оригинальны для ЕС. Первое – типичная иллюстрация повторного использования тех же ресурсов, создающий иллюзию дополнительной деятельности. Второе – демонстрация слабости самого ЕС; несмотря на все усилия, институтов ЕС страны-члены не спешат делиться с ними стратегической информацией.

То, что стрессоустойчивость может стать дополнительным инструментом последовательной деятельности ЕС на мировой арене, положительно. Насколько она улучшит координацию служб, занятых внешней деятельностью, и теми, что обеспечивают внутреннюю политику ЕС (а это необходимо в контексте взаимосвязи внешней и внутренней безопасности, угроз стрессоустойчивости ЕС извне, использования опыта Союза третьими странами), покажет время. Однако история не даёт радужных примеров: аналогичные попытки вокруг других понятий (стимулирование развития, предотвращение изменения климата, продвижение норм) имели ограниченный успех.

Интерес представляет и то, что ЕС ищет (как часто в прошлом) внешнюю легитимацию своим усилиям. В этом контексте выделяются отсылки к организациям, которые активно используют термин “стрессоустойчивость”. Это, с одной стороны, ООН, а, с другой – НАТО. Первая – как наиболее универсальная международная организация – позволяет и другим её членам участвовать в выработке содержательной и инструментальной части стрессоустойчивости. К этой же группе можно от-

нести Большую Двадцатку, ЕБРР, ОБСЕ, где ЕС предлагает разрабатывать проблематику стрессоустойчивости. Вторая организация, которой ЕС уделяет особое внимание в связи со стрессоустойчивостью, – НАТО, замыкающая на запад, а также акцентирующая вопросы безопасности и рисков, а не ресурсов стрессоустойчивости или соответствующих техник управления. Этому же содействует и стремление ЕС гарантировать трансатлантическое партнёрство в обеспечении стрессоустойчивости. В ближайшее время, очевидно, будет наблюдаться любопытное соперничество между первой и второй группой международных институтов в разработке параметров стрессоустойчивости.

В целом, институциональная поддержка стрессоустойчивости пока окрашена в типичные для ЕС краски, находится под влиянием, скорее, традиций его внешней деятельности, нежели является радикальной новацией. Это позволяет естественным образом интегрировать стрессоустойчивость во внешнюю деятельность. Однако это же одновременно ограничивает потенциал новой категории во внешней и внутренней деятельности ЕС.

Заключение

Теория стрессоустойчивости и её использование в качестве неолиберального инструмента не могут не отличаться. Однако теория стрессоустойчивости и практика внешней деятельности ЕС стали для нас двумя отправными точками для анализа категории “стрессоустойчивость” в Евросоюзе. Статья продемонстрировала историю возникновения категории в ЕС, её три внутренние противоречия (определение сущности стрессоустойчивости и секьюритизации угроз, стабильность и изменения, двойственность отказа от вмешательства во внутренние дела партнёров), а также институциональное обеспечение данной категории во внешней деятельности ЕС. Именно эти спорные моменты определяют нынешнее положение категории в ЕС, а также детерминируют её дальнейшую эволюцию и практику отношений Брюсселя с партнёрами, особенно с Россией и непосредственными соседями.

Список литературы

Павлова Е. Б., Гудалов Н.Н., Коцур Г. В. (2018) “Стрессоустойчивость”: новое слово в международных отношениях или вариация на неолиберальную тему? // *Вестник МГУ. Серия 25 “Международные отношения”*. 2018. (в печати)

Романова Т.А., Павлова Е.Б. Россия и страны Евросоюза: Партнёрство для модернизации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 8. Сс. 54–61.

References

Bourbeau P. Resilience, Security and World Politics // Chandler D. and Coaffee J. eds. (2017) *The Routledge Handbook of International Resilience*. London: Routledge. P. 26–37.

Bourbeau, P. and Caitlin R. (2017) Resilience, Resistance, Infrapolitics, and Enmeshment // *European Journal of International Relations*. OnlineFirst // Available at: https://www.academia.edu/30942452/Bourbeau_Philippe_and_Caitlin_Ryan_Resilience_Resistance_Infrapolitics_and_Enmeshment_European_Journal_of_International_Relations_OnlineFirst_2017 (accessed 8 July 2017).

Brand F.S. and Jax K. (2007) Synthesis. Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object // *Ecology and Society*. Vol. 12. No. 1. Article. 23. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/> (accessed 8 July 2017).

Brassett J., Croft S. and Vaughan-Williams N. (2013) Introduction: An Agenda for Resilience Research in Politics and International Relations // *Politics*. Vol. 33. No. 4. P. 221–228.

Buzan, B., Waever, O., de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.

Chandler D. (2013) International State-building and the Ideology of Resilience // *Politics*. Vol. 33. No 4. P. 276–286.

- Chandler D. and Coaffee J. eds. (2017) *The Routledge Handbook of International Resilience*. London: Routledge.
- Council (2013). Council Conclusions on EU Approach to Resilience. 3241st Foreign Affairs Council meeting. Brussels, 28 May.
- Duffield M.R. (2012) Challenging Environments: Danger, Resilience, and the Aid Industry // *Security Dialogue*. Vol. 43. No 5. P. 475–492.
- European Commission (2005) Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Proposal for a Joint Declaration by the Council, the European Parliament and the Commission on the European Union Development Policy “The European Consensus”. Brussels, 13 July. COM(2005)311 final.
- European Commission (2012) Communication from the Commission to the European Parliament and the Council The EU Approach to Resilience: Learning from Food Security Crises. Brussels, 3 October. COM(2012) 586 final.
- European Commission (2013) Commission Staff Working Document. Action Plan for Resilience in Crisis Prone Countries 2013-2020. Brussels, 19 June.
- European Commission (2014) Resilience Marker General Guidelines. Brussels, November. Ref. Ares(2014)3883617 - 21/11/2014.
- European Union (2016) Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign And Security Policy. Brussels, June.
- European Union (2017a) From Shared Vision to Common Action: Implementing the EU Global Strategy. Year 1. Brussels, June.
- European Union (2017b) Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU’s external action. Brussels, 7 June. JOIN(2017) 21 final
- Folke C. (2006) Resilience: the emergence of a perspective for social-ecological system analyses // *Global Environmental Change*. Vol. 16. No. 3. P. 253–267.
- Holling C. S. (1973) Resilience and Stability of Ecological Systems // *Annual Review of Ecology and Systematics*, Vol. 4. No.1. P. 1–23.
- Institute for Security Studies, ISS (2017) After the EU global strategy – Building resilience. Paris: ISS.
- Joseph J. (2013) Resilience as embedded neoliberalism: a governmentality approach // *Resilience*. Vol.1. No 1. P. 38–52.
- Mogherini F. (2016) Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council. Bruxelles, 14 March. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/5490/remarks-by-high-representativevice-president-federica-mogherini-at-the-press-conference-following-the-foreign-affairs-council_en (accessed 8 July 2017).
- Pavlova E. B., Gudalov N.N., Kotsur G. V. (2018) “Stressoustojchivost’”: novoe slovo v mezhdunarodnyh otnoshenijah ili variacija na neoliberal’nuju temu? // *Vestnik MGU*. Serija 25 “Mezhdunarodnye otnosheniya”. (in print)
- Rhinard M. (2017) After the EU global strategy – Building resilience. Paris: ISS. P. 25–27.
- Romanova T. and Pavlova E. (2013) Rossiya i strany Evrosouza: Partnerstvo dlya modernisatsii // *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 54–61.
- Wagner W. and Anholt R. (2016) Resilience as the EU Global Strategy’s new leitmotif: pragmatic, problematic or promising? // *Contemporary Security Policy*. Vol. 37. No 3. P. 414–430.
- Walker J., Cooper M. (2011) Genealogies of resilience: From systems ecology to the political economy of crisis adaptation // *Security Dialogue*. Vol. 42. No. 2. P. 143–160.

RESILIENCE CATEGORY IN THE EUROPEAN UNION

Author. Romanova T. Candidate of Political Science, associate professor, Saint Petersburg State University and National Research University - Higher School of Economics. **Address:** 1/3 (entr. 8), Smolnogo St., S.-Peterburg, Russia, 193060. **E-mail:** t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu

Abstract. The article analyses resilience as a new category of the EU’s external activities. The author reviews its genesis on the basis of the EEC / EU’s documents since 1980s until present. Theoretical works on resilience as well as the practice of the EEC / EU’s external relations are examined as factors which have structured the development of resilience in the EU. These factors allow identifying three kinds of contradiction: resilience and securitization (resources and their risks), dialectics of stability / resistance and adaptation / change (with relevant stratification) and resilience as (non)interference in domestic affairs of partners. In the conclusion the author reviews the institutional modalities that support resilience in the EU’s external activities.

Key words: EU, resilience, security, Russia, European neighbourhood policy, securitisation.